

следней проблемы термин «харизма» привлечен слишком искусственно.

Итак, интерес к проблематике харизматического лидерства в современном обществе не ослабевает, и целесообразным будет предположить, что исследования данного феномена будут продолжены и в будущем. В этом случае существующие сегодня концепции политической харизмы помогут наметить наиболее перспективные направления дальнейших исследований харизматического лидерства как феномена.

Литература

1. Аристотель. Политика // Соч. Т. 4. М., 1983. 830 с.
2. Вебер М. Харизматическое господство // Социол. исслед. 1988. №5. С.139-147.
3. Волкова Н.Н. Политическая элита в условиях трансформаций современного российского общества // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2008. № 6. С.170-173.
4. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. 865 с.
5. Кравченко В.И. Харизматическая личность: многообразие понимания // СоцИс: Соц. исслед. 2004. № 4. С.134-137.
6. Лэй Э. Харизма. Искусство производить сильное и незабываемое впечатление: пер. с англ. М.: Протекст, 2010. 277с.
7. Платон. Государство // Соч. Т.3. М., 1994. 627 с.
8. Туманов С.В., Гаспарашвили А.Т., Митяева Л.Д. Политическое харизматическое лидерство в России: Мифы и реалии // СоцИс: Соц. исслед. 2003. № 3. С. 20-29.
9. Фрейк Н.В. Политическая харизма: версии и проблемы // СоцИс: Соц. исслед. 2004. № 12. С. 3-6.

УДК 008

О РОЛИ И МЕСТЕ ИСКУССТВА В КОНЦЕПТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КУЛЬТУРЫ

Трипузов М.Г., аспирант
ВСГУ, Улан-Удэ

В статье освещается широкий спектр вопросов связанных с теоретическим обоснованием феномена эстетического потенциала, значением и местом искусства в его концепте. Эстетический потенциал культуры формируется на основе сложного взаимодействия многих объективных и субъективных факторов, немаловажную роль при этом играет духовное наследие, одним из основных источников которого является искусство.

Ключевые слова: эстетический потенциал, концепт, искусство.

В самом начале статьи хотелось бы выразить авторское понимание категории «концепта» и подтвердить безусловное его правомочие в арсенале научной аналитики как в лингвокультурологической парадигме, разрабатываемой Ю.С. Степановым и В.В. Колесовым, так и в

культур-философском (как многие считают, не во всем бесспорном) подходе, представленном в трудах Ж. Делеза и Ф. Гваттари и др. Что же касается нашего представления, то под *концептом* автор статьи понимает любые теоретические построения, претендующие на категори-

альную обособленность и используемые в научной риторике. С нашей точки зрения, *эстетический потенциал культуры* полностью соответствуют сущности научного концепта.

Концептом подобные построения становятся в результате их актуализации, нового гносеологического и аксиологического наполнения, т. е. процесса, в результате которого рождается *новое смыслополагание*. Именно такие концепты содержат в себе не только постановку проблемы, но и, нередко, теоретическое ее решение, хотя и не всегда окончательное. С другой стороны, не скрываем своего негативного отношения к так называемым «ложным концептам», представляющим собой надуманные, наукообразные фантомы, которыми, к сожалению, полна не только наша гуманитаристика, но и даже государственная документалистика.

«Словосочетания, которые порождают такие «концепты», – пишет В.Л. Кургузов, – в сущности, безграмотны. Например, я не могу причислить к грамотным словосочетание «правовое государство», ибо любое государство (даже фашистское) может существовать только на основе права. Нет права – нет государства. Надо возвращаться в пещеру. Есть право – есть государство. Всем мало-мальски образованным людям известно, что устойчивость – смерть любого развития, но, тем не менее, некоторые люди даже с государственных трибун требуют какого-то мифического «устойчивого развития». Большинству культурологов известно, что политика, впрочем, как и экономика, со всеми потрохами является плодом культуры, тем не менее, мы постоянно слышим и читаем о какой-то «культурной политике». Масло масляное – и больше ничего...» [1, с. 144].

Вот теперь, когда необходимые оговорки сделаны, можно приступать к изложению содержания статьи, в которой будет сделана попытка обращения к некоторым проблемам теоретико-методо-

логической рефлексии концепта эстетического потенциала культуры.

Процессы глобализации, как и многие другие явления и тенденции современного общественного развития, объективно требуют оценки их возможного влияния на будущее как человечества в целом, так и отдельно взятого народа, этноса, индивида. Нередко они ассоциируются с негативными, кризисными или даже катастрофическими последствиями для населения отдельных стран, регионов, континентов, наконец, планеты Земля в целом.

С другой стороны, с позитивным вектором подобного рода явлений связываются перспективы существования (выживания) или развития цивилизации. Выбор критериев оценки этих явлений и процессов определяется чаще всего конкретной задачей прогноза будущего развития человечества, отдельно взятых народов и этносов. Все это говорит о том, что оценка социокультурных, психологических, информационных, научно-технических, политических, экономических изменений в жизни людей не только в настоящем, но и в прошлом, требует разработки специального *концептуального аппарата*, и прежде всего – выбора ключевых понятий: критериев и показателей этой оценки.

Комплексное решение научных проблем, как это показывает практика исследований в области культуры, основывается на широком использовании системного и структурно-функционального методов анализа. Разные подходы позволяют раскрыть многообразные частные формы потенциала культуры – духовного, интеллектуального, политического, научного, нравственного и, конечно же, *эстетического*.

Выбор эстетического потенциала культуры в качестве основного ракурса нашего исследования имеет то преимущество, что выявляет эмоционально-ценностные и художественно-творческие координаты культуры, ее специфические

начала, связи и отношения (эстетические в частности), упорядочивающие в соответствии с эстетическими нормами (красоты, совершенства, выразительности, гармонии и др.) направленность, содержание и формы деятельности человека.

Однако прежде чем перейти к теоретическому обоснованию феномена *эстетического потенциала*, необходимо хотя бы в краткой форме остановиться на проблеме *эстетического измерения* бытия человека, объективной необходимости, потребности человека в прекрасном. Лишь только в этом случае можно убедительно доказать актуальность нашей проблемы. Иными словами, потребность в рефлексии эстетического потенциала может возникнуть только тогда, когда будет ясное понимание *потребности* человека в *красоте* своей жизнедеятельности, всего того, что его окружает.

Как известно, в процессе жизни человек стремится к реализации различных потребностей, которые в той или иной мере определяют общую направленность социального бытия. Но устремленность к гармонии является не просто одной из необходимых граней, а составляет сущность культуротворчества. Не случайно Ф.М. Достоевский в одной из статей об искусстве высказал идею о том, что потребность в красоте и творчестве, воплощающем ее, есть такая же потребность, как есть и пить, и без нее человек не захотел бы жить на свете [2, с. 80]. Это означает, что для человека важна не столько жизнь сама по себе, сколько ее *качественное* содержание, *эстетическая* наполненность в том числе.

Русский философ Н.А. Бердяев в работе «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» сформулировал главный принцип индивидуального и вселенского существования: «Красота есть конечная цель мировой и человеческой жизни» [3, с. 326]. Изучение общественных систем прошлого и настоящего подтверждает этот вывод и свидетельствует о том, что в центре внима-

ния любой подлинной культуры всегда стояли задачи:

- гармонического обустройства социальной жизни;
- поддержания гармонии между обществом и природой;
- совершенствования по законам красоты самого человека.

Вот почему можно без преувеличения сказать, что устремленность к красоте есть фундаментальная потребность, пронизывающая все грани человеческой жизни: мифологию, религию, мораль, искусство, философию, науку, материальную деятельность. Именно в процессе поиска устойчивой, надежной гармонии сформировались практически все явления культуры глобального масштаба и, безусловно, эстетическая культура в том числе.

Эта фундаментальная потребность могла обосновываться, а могла проявляться бессознательно, спонтанно, могла реализоваться успешно, достаточно полно, а могла воплощаться трагично. Однако глубинный позыв к поиску абсолютной гармонии неизменно заявляет о себе в любой культуре и является главным стимулом человеческого поведения. Это стремление к «абсолютной гармонии» реализуется главным образом с помощью *искусства*, характерная черта которого – устремленность к совершенному миру.

Искусство – это уникальная форма художественной деятельности человека, в ходе которой его сознание обретает знаковое отображение в произведениях художественного творчества. Оно является своеобразным «переводчиком» смыслов общественного сознания, заключенных в художественной картине мира. «Интерес к теоретическим проблемам искусства правомерен, – как справедливо отмечала на Третьем Российском культурологическом конгрессе доктор философских наук, профессор В.И. Лях из Краснодарского университета культуры и искусств, – так как изменившиеся условия его бытования требуют скорректировать его роль

и место в современном мире, рассмотреть его функционирование в широком социокультурном контексте» [4, с. 513].

Множество определений искусства – свидетельство многогранности и сложности этого феномена, который исследуют философия, история, социология, эстетика, искусствоведение и, конечно же, – культурология. Оно – составной элемент морали и религии, а все они вместе являются плодами культуры. В пространственно-временных рамках культурологии (что характерно для нашего исследования) стала актуальной концепция изучения искусства с точки зрения внутренней логики и закономерностей развития различных направлений научной деятельности, определения научных дисциплин, которые являются атрибутивной, необходимой характеристикой данной проблемы. Все это дает нам право констатировать, что культурология искусства и, разумеется, его эстетического потенциала, суммирует и интегрирует многообразные знания о закономерностях функционирования, изменения искусства, раскрывает базовые культурообразующие основания в многообразной по видам и формам деятельности человека.

Непреходящая актуальность совершенствования личности средствами искусства связана с тем, что сознание, как самый динамичный субстрат, подвергаясь воздействию внешних влияний, внутренних факторов, нередко способно «затемняться». Эту мысль своеобразно высказал исследователь художественной культуры В.Ф. Мартынов: «Ментальный свет атакуется инстинктивными влечениями, хаосом внешнего мира. Разрывая связь с духовным миропониманием, Вселенской гармонией, индивид вынужден цепляться за фиктивные ориентиры, отдаваясь во власть иллюзорного, временного. Каждое мгновение человек делает выбор между истинным и ложным, возвышенным и низменным, прекрасным и уродливым» [5, с. 14].

Действительно, это так. Уже представители древних культур напряженно размышляли над поразительной способностью человека постоянно «соскальзывать» в бесконечное зло. Так, в греческой мифологии Агава, мать Пенфея, охваченная вакхическим экстазом во время праздника в честь Диониса, разрывает на части своего сына, приняв его за львенка. Насадив оторванную голову Пенфея на остроконечную палку, Агава с ликованием возвращается домой, и тут, когда ее сознание проясняется, испытывает ужасное потрясение. Трагическая сцена возвращения Агавы с головой Пенфея, изображенная Еврипидом в трагедии «Вакханка», пользовалась большой популярностью у античных зрителей. Геракл в припадке безумия также убил своих детей. Растерзанный вакханками, погибает Орфей, олицетворяющий любовь и красоту.

Искусство можно рассматривать, как важнейшее средство гармонизации инстинктивного и разумного, стихийного и сознательного, так как под определяющим воздействием разума и воли человек в состоянии овладеть спонтанной энергией инстинктивных сил, преобразуя ее в «умные эмоции» – эстетические чувства, которые реализуются в художественном творчестве. Именно поэтому Шеллинг полагал, что «красота встает на защиту духа, который одолевают страсти, она является главным оплотом в борьбе с природными влечениями, помогая украшать низшие начала в человеке» [6, с. 310-311]. Однако всем известно, что формы деструктивного проявления человеческой души многолики: за ними могут скрываться разные причины, поэтому следует обратить внимание еще на одну тенденцию.

Английский ученый, лауреат Нобелевской премии Ч. Шеррингтон сравнивал внутренний мир человека с воронкой, которая обращена широким отверстием к окружающей действительности, а узким отверстием к самому человеку,

его действиям и поступкам. Внешний мир вливается в индивида через широкое отверстие тысячь зовов, влечений, желаний, но лишь ничтожная их часть может реализоваться, получить отклик в силу ограниченности физических возможностей личности. Неосуществленное же в нашей жизни способно порождать сугубо отрицательную энергию. Но чтобы организм был приведен в равновесие и был преодолен внутренний разлад, необходимо открыть «клапан», выпустив «взрывоопасный пар» [7].

Таким образом, искусство, обладающее мощным эстетическим потенциалом, помогает внести свет гармонии во внутренний мир человека, преодолевая диссонанс, пробуждая дремлющие духовные силы, реализуя скрытое в форме фантазий и, в то же время, оказывая оздоровительное воздействие, очищая от душевного хаоса, помогая достичь просветленного состояния.

Многие философы не без основания полагают, что одно из наиболее серьезных противоречий во внутреннем мире личности возникает потому, что чувственная, телесная реальность не обладает свойством абсолютности, она изменчива, неустойчива, относительна по своим характеристикам. Поэтому, как заметил Д. Рейнольдс: «Цель и стремление всех видов искусства – дополнять естественное природное несовершенство вещей и удовлетворять нашу потребность в воплощении того, что существовало лишь в нашем воображении» [8, с. 433].

Искусство с помощью своих специфических эстетических средств и возможностей дает возможность ощутить моменты наибольшей полноты бытия, прикоснуться к тайне абсолютности, осуществляя синтез телесного и духовного как ограниченного и безграничного.

С помощью искусства человек пытается управлять амбивалентностью мгновения, ибо индивид стремительно движется во времени. Его пребывание на Земле преходяще, и он об этот хорошо знает.

Время же ломает судьбы, стирает человеческую красоту, рождает боль, вносит хаос, уничтожая целые народы, культуры и цивилизации. Пространство не столь беспощадно к индивиду. Человек с успехом им овладевает. Но время всегда остается загадочным и неподвластным. Вырывая человека из обжитого пространства, временной поток пытается растворить уникальность каждой судьбы.

«Искусство, – как справедливо подчеркивает В.Ф. Мартынов, – является единственным средством, величайшим изобретением, позволяющим остановить уникальность человеческого мгновения, сохраняя его неповторимый аромат. Искусство воскрешает прошлое в его многообразной полноте. Оно раздвигает временные рамки, приобщая человека к уникальному душевному опыту, ибо время существования личности измеряется не количеством прожитых лет, а интенсивностью, яркостью переживаний, их смысловой направленностью, внутренней событийностью» [9, с. 16].

Жизнь одного человека, умноженная на сокровенный, неповторимый опыт, зафиксированный в искусстве, расширяется до бесконечных горизонтов. Время не властно над искусством. Расширение индивидуального опыта, прорыв к безграничности дарит человеку чувство восхищения, благоговения, пробуждает в душе глубочайшие переживания максимальной полноты бытия, позволяет достигнуть оптимального психического состояния.

Сокровенная связь искусства с Вечностью была глубоко понята уже в культуре Древнего Египта. Здесь эстетическому творчеству отводилась сакральная роль: оно было призвано дарить бессмертие, быть проводником в иной мир, так как подлинное искусство всегда стремится изображать не просто эмпирические факты, но реальность в ее субстанциональном значении, трансформируя мгновение в Вечность. Следовательно, в искусстве, доверху заполненном множе-

ством эстетических смыслов, выражено извечное стремление людей к более совершенному миру, абсолютной гармонии бытия.

Между тем, искусство никогда не создавалось только ради бескорыстного любования красотой окружающего мира. Вводя во внутренний мир личности новые духовные ценности и новый духовный опыт, бесконечно раздвигающий рамки индивидуального мировидения, искусство становится мощным фактором развития души. Приобщая людей к культурному наследию, уникальности личностного мироощущения, искусство органично включает индивида в сферу общечеловеческих поисков, помогает выстроить систему собственных ценностей, оказывает катарсическое воздействие, гармонизируя бессознательное и сознательное, очищая внутренний мир от отрицательных эмоций, аффектов, выступая как источник познания глубин человеческого духа. С помощью искусства формируются такие уникальные способности личности, как воображение, память, способность к творчеству, абстрактному мышлению и эмпатии.

Культурно-исторический опыт свидетельствует, что только в тесном общении с красотой – как рукотворной, так и природной – формируется *человек гуманный* с богатым, многоцветным (а не черно-белым) душевным миром. Гуманистическая же направленность личности определяется степенью развития чувственно-эмоциональной сферы, так как быть гуманным – значит обладать душевной чувствительностью и чутко отзываться на все оттенки добра и зла, уродливого и прекрасного, не смешивая эти понятия. Быть гуманным – значит, говоря словами классика белорусской литературы Я. Купалы, «ощущать нерасторжимую нить с Землей и Небом, со всем Мирозданием».

В реальном процессе культурно-исторического развития искусство активно взаимодействует с мифологией, религией, философией, моралью, нау-

кой, политикой, что, безусловно, приращивает ее эстетический потенциал. Но, в отличие от многих других сфер духовного освоения мира, которые фиксируют отдельные грани действительности, искусство синтезирует мир, постигая его всесторонне, сохраняя и оберегая целостность человеческого восприятия, жизненного опыта, интегрируя индивида в мировой культурный процесс, одухотворяя, гуманизируя бытие, помогая узреть подлинный смысл человеческого существования. В этом, как нам представляется, и заключается всемирно-историческое, непреходящее значение искусства и художественной культуры в целом.

Эстетический потенциал культуры складывается на основе сложного переплетения объективных и субъективных факторов, конкретных исторических условий и социальных тенденций, общественных отношений, политической организации общества, образа жизни людей. Немаловажную роль при этом играют духовное наследие и национальные культурные традиции народов, особенности их менталитета.

Нельзя не заметить, что эстетический потенциал культуры неизмеримо возрастает из-за наличия объективного тяготения *науки* и *искусства* друг к другу. Это нетрудно доказать примерами судеб великих людей прошлого и настоящего. История культуры дает массу интереснейших фактов удивительного совмещения различных творческих дарований в одном лице, начиная с Пифагора и Платона, в творчестве которых, строго говоря, вообще трудно разделить научное и художественное начало. Кеплер писал стихи, Ломоносов – оды, Леонардо да Винчи был многогранным художником и многопрофильным, как сейчас говорят, инженером, химик Бородин и военный моряк Римский-Корсаков писали оперы, вдохновенными музыкантами были Альберт Эйнштейн и Нильс Бор. Военный артиллерист Лев Толстой был не просто гениальным писателем и философом, но

и весьма прилично играл на рояле. Лев Ландау стал лауреатом Нобелевской премии в области физики, но при этом писал просто блестящие рецензии на кинофильмы и глубоко разбирался в живописи...

Один из талантливейших физиков XX века, лауреат Нобелевской премии П.Л. Капица, поддерживающий постоянные творчески связи с художником Нестеровым, скульпторами Мухиной и Коненковым, режиссером Эйзенштейном, писателями Алексеем Толстым, Михаилом Пришвиным, Всеволодом Ивановым, так охарактеризовал значение эстетической деятельности в культурном процессе: «Всякое творчество, как в науке, так и в искусстве, рождается у человека из чувства неудовлетворенности действительностью. Ученый недоволен существующей теорией и уровнем знания в его области науки, у писателя это обычно недовольство существующими условиями жизни людей, этикой во взаимоотношениях между ними и часто общественной структурой. У художников это еще усугубляется неудовлетворенностью общепризнанными и существующими способами отображения окружающего мира.

Так как большое творчество связано с философией преобразования мира, и оно неизбежно зиждется на недовольстве существующим, это ведет к тому, что произведения писателей-мыслителей, таких как, например, Толстой, Достоевский, Горький, рассматривались установленным социальным укладом как факторы, мешающие спокойному течению жизни, и обычно вызывали активное неодобрение со стороны общественных и государственных аппаратов.

Это неизбежное противоречие творческих исканий с существующим жизненным укладом является диалектикой прогресса человеческой культуры (выделено нами – М.Т.). В той или иной форме эти противоречия творчества с действительностью часто ставят ученых, писателей, художников, философов и вообще творческих людей во всех областях, свя-

занных с умственным и духовным ростом человечества, в положение борцов. А борьба обычно связана с лишениями, огорчениями и другим испытаниями. Но если бы эти противоречия между творчеством и действительной жизнью отсутствовали, то остановился бы рост человеческой культуры» [10, с. 139-140]. Вряд ли кто-либо станет отрицать то, что история отечественной культуры сотни раз подтверждала эту закономерность.

Между тем, рост человеческой культуры, на который указывал академик П.Л. Капица, и есть не что иное, как показатель выражения ее потенциала вообще и эстетического потенциала, в частности.

Литература

1. Кургузов В.Л. Гуманитарная культура: проблема актуализации концепта. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2001. № 1(4). С. 144
2. Достоевский Ф.М. О русской литературе. М.: Мысль. 1987. С.80.
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Наука, 1993. С. 326
4. Лях В.И. Культурология искусства как теоретическая проблема // Третий Рос. культурол. конгресс «Креативность в пространстве традиции и инновации»: тез. докл. СПб., 2010. С. 513.
5. Мартынов В.Ф. Мировая художественная культура. Минск: ТетраСистемс, 2000. С.14.
6. Шеллинг Ф.В. Литературная теория немецкого романтизма. Л.,1934. С. 310-311.
7. История эстетической мысли. В 6 т. / под. ред. П.К. Кондратенко, С. В. Игошина. М.: Искусство,1985. Т. 2. 623 с.
8. Мастера искусства об искусстве. В 7 т. / под ред. С.В. Асенина. М.: Искусство, 1967. Т. 3. 433 с.
9. Мартынов В.Ф. Мировая художественная культура. Минск: ТетраСистемс, 2000. С. 16.
10. Кедров К. Капица: жизнь и открытия. М. Наука, 1979. С. 139-140.